

БИОГРАФИЯ ШЕДЕВРА

Первый фортепианный концерт Чайковского. Из бесконечно огромного моря инструментальной музыки лишь немногие произведения могут соперничать с ним в популярности. Ровно сто лет звучит он с концертной эстрады, неизменно восторгая и восхищая слушателей. С первых же фанфарных звуков его вступления и до бурного шквала финальных аккордов мы неизменно испытываем трепетное волнение, которое может вызвать лишь истинно великое произведение искусства.

И сегодня кажется невероятным, что этот шедевр был поначалу не понят многими видными музыкантами. Как подлинно новаторское творение, он был признан не сразу. Судьба его интересна и поучительна.

1874 год вряд ли был одним из «счастливых» или «удачных» в жизни Чайковского. Он начался с хлопот о постановке в Петербурге «Опричника»: затруднения с цензурой, сокращение оперы. Неровным оказался и прием его Второго квартета, законченного в самом начале года. Редкие доброжелательные отклики на столь дорогое для него произведение («я считаю его лучшим своим сочинением...») не принесли желанного удовлетворения. Он пришелся «не по вкусу публике». В марте начались репетиции «Опричника», и Чайковский сразу же и навсегда остался недоволен им. «Чем дальше шло разучивание, — вспоминал брат композитора Модест Ильич, — тем настрое-

Я очень люблю Первый фортепианный концерт Петра Ильича Чайковского. Случилось так, что именно он открыл мне мир музыкальной классики, который я до того обходил стороной. Как-то мои соседи привезли пластинку, тогда еще редкую, с записью этого концерта в исполнении Килиберна. И вот, вернувшись с работы, я услышал вдруг музыку, которая заворожала меня, потрясала. Вступление оркестра и ликующие, звенящие аккорды рояля — сколько в них мощи, силы, жизнеутверждения! Поистине это сочинение может творить чудеса, делать человека чище, выше, благороднее, звать его к подвигам. Я слышал, что творческая судьба его сложная, необычная. Раскажите о ней. Ведь скоро откроется Пятый международный конкурс имени П. И. Чайковского. Думаю, всем любителям музыки будет интересно познакомиться с биографией этого концерта.

В. КИСЕЛЕВ, офицер.

ние Петра Ильича было мрачнее, состояние духа раздражительнее...» Расстроенный «ненавистным», по собственным словам композитора, «Опричником», он принимается за сочинение конкурсной оперы «Кузнец Вакула» и заканчивает ее в поразительно короткий срок. Но с представлением новой оперы на конкурс возникают непредвиденные трудности. Однако Чайковскому — ему в то время было всего тридцать четыре года — все эти невзгоды и затруднения еще не кажутся непреодолимыми. Он полон решимости работать, сочинять.

Именно в это время впервые появляется мысль о создании фортепианного концерта. «Живу я хорошо, — пишет Чайковский брату в письме, датированном 29 октября, — насколько можно жить хорошо при страшном безденежье, которое угнетает меня... На конкурсе рассчитывать нельзя... Хотел было приняться за фортепианный концерт, да что-то не выходит...»

Однако в последующие недели работа над концертом, видимо, полностью захватила его. «Я начинаю соображать новое большое сочинение, — сообщает Чайковский своему издателю В. В. Бесселю, — которое... овладело всеми моими мыслями».

«Я весь погружен в сочинение фортепианного концерта. Хочу непременно, чтобы Рубинштейн в своем концерте сыграл его», — это строки из письма Петра Ильича к брату А. И. Чайковскому, написанного 21 ноября, а ровно через месяц — 21 декабря — концерт был закончен.

Однако желанию Чайковского услышать свой концерт в исполнении Николая Григорьевича Рубинштейна не суждено было сбыться. Даже несмотря на то, что в посвящении стояло имя прославленного пианиста. Спустя три дня после завершения работы Чайковский не без колебания решил показать свой новый опус Рубинштейну, с которым его связывала долготелая творческая дружба. Вот как описывает сам композитор ту памятную встречу в письме к Н. Ф. фон Мекк, написанном три года спустя: «...я сыграл первую часть. Ни единого слова, ни единого замечания. Если бы вы знали, какое глупое, невыносимое положение человека, когда он подносит приятелю кушанье своего собственного изделия, а тот ест и молчит! Ну, скажи хоть слово, хоть обругай дружески, но, ради бога, хоть что-нибудь скажи, хотя бы не хвалебное... Я не нуждал-

ся в приговоре о художественной стороне: мне нужны были замечания чисто технические. Красноречивое молчание Рубинштейна имело очень знаменательное значение. Он как бы говорил мне: «Друг мой, могу ли я говорить о подробностях, когда мне самая вещь противна». Я вооружился терпением и сыграл до конца. Опять молчание. Я встал и спросил: «Ну, что же?». Тогда из уст Николая Григорьевича полился поток речей, сначала тихий, потом все более и более переходивший в тон Юпитера-громовержца. Оказалось, что концерт мой никуда не годится, что играть его невозможно, что пассажи избиты, неуклюжи и так неловки, что их и поправить нельзя, что как сочинение это плохо, пошло, что я то украл оттуда-то, а это отсюда, что есть только две, три странички, которые можно оставить, а остальные нужно или бросить, или совершенно переделать... что если я к такому-то сроку переделаю концерт согласно его требованиям, то он исполнит его в своем концерте.

«Я не переделаю ни одной ноты, — отвечал я, — и напечатать его в том самом виде, в каком он находится теперь». Иначе Чайковский поступить не мог. Книжа от негодования, он изъял свое первоначальное посвящение, поставив вместо него имя Ганса фон Бюлова, знаменитого пианиста, проявлявшего в последнее время большой и искренний интерес к его творчеству.

Надо отдать должное Бюлову, который не только был польщен посвящением ему концерта, но и сразу же по достоинству оценил это произведение: «Я горжусь че-

стью, — писал Бюлов Чайковскому после получения концерта, — оказанное мне посвящением этого капитального творения, восхитительного во всех отношениях».

Ганс фон Бюлов и стал его первым исполнителем, с блеском выступив с концертом перед слушателями Бостона. «По идеям, — писал он в необычайно теплом письме композитору, — это так оригинально, без вычурности, так благородно, так мощно, так интересно в подробностях, которые своим обилием не вредят ясности и единству общего смысла. По форме это столь зрело, так полно «стиля» в том смысле, что намерение и выполнение во всем гармонически сливаются».

В России впервые его исполнил на одном из симфонических собраний петербургского отделения Русского музыкального общества известный в то время пианист Г. Кросс. Эта премьера до крайности расстроила Чайковского, считавшего, что концерт был отчаянно изувечен. Но наибольшие огорчения начались у Чайковского после выступлений музыкальной критики. «Новое время» назвало «лучшей стороной концерта — инструментовку, а самой слабой — непоследовательность в выборе тем». Ц. Кюн в своей рецензии, помещенной в «Санкт-Петербургских ведомостях», признавая «талантливость» концерта, называет сочинение «легоньким» и добавляет: «Много в нем приятного, но глубины и силы никакой». Однако больше всего удивил Чайковского Г. Ларош, тонкий и вдумчивый критик, всегда понимающий его творческие

устремления и приветствующий каждое новое сочинение. По мнению Лароша, концерт занимает между другими произведениями Чайковского «весьма и весьма второстепенное место». Концерт, как считал Ларош, «неблагодарен для пианиста» и «будущности не имеет».

Приблизительно в одно время с пересылкой концерта Бюлову с золотой медалью окончил консерваторию Сергей Танеев — ученик фортепианного класса профессора Н. Г. Рубинштейна и класса композиции профессора П. И. Чайковского, как было сказано в отчете Русского музыкального общества. Именно Танееву суждено было первому раскрыть подлинное величие этого произведения. С огромным мастерством и вдохновением исполнил он его в Москве в симфоническом собрании Русского музыкального общества. Это было во многом поворотным пунктом в отношении к концерту большинства музыкантов и слушателей. Как писал после концерта Чайковский, Танееву удалось «до тонкости» проникнуть в мельчайшие подробности авторских намерений и передать их именно так, в том духе и при тех условиях, какие мечтались автору.

Фортепианным концертом Чайковского начинают интересоваться крупнейшие пианисты. В 1878 году, как пишет М. И. Чайковский, Николай Григорьевич Рубинштейн со свойственным ему благородством и простотой сознался в несправедливости первоначального отношения к музыкальным достоинствам концерта тем, что разучил его и исполнял публично и в России, и за границей с

мощью, гениальностью, ему одному свойственными.

Как истинно великое музыкальное творение Первый фортепианный концерт Чайковского находил в каждом поколении музыкантов-исполнителей вдохновенных интерпретаторов. Любителям музыки, наверное, памятны исполнения концерта такими прославленными мастерами пианизма, как Я. Флиер, Э. Гилельс, С. Рихтер, уже давно ставшие значительными вехами в истории этого произведения.

Новый, очень важный и интересный этап в истории интерпретации Первого фортепианного концерта наступил сравнительно недавно. Он связан с одним из самых ответственных международных соревнований музыкантов-исполнителей — Конкурсом имени П. И. Чайковского. Каждые четыре года десятки молодых пианистов разных стран работают над этим произведением с тем, чтобы, приехав в Москву и преодолев трудности первых туров, исполнить свою заветную мечту — сыграть с оркестром этот концерт в третьем, финальном, решающем туре. И часто мы бывали свидетелями того, как именно исполнение концерта вносило окончательную ясность в оценку игры молодого конкурсанта.

Сколько замечательных интерпретаторов этого шедевра открыли прошедшие конкурсы! Незабываемым стало исполнение Первого фортепианного концерта Ваном Клиберном. И мы с нетерпением ждем Пятого международного конкурса исполнителей имени П. И. Чайковского, которому предстоит открыть новые имена молодых музыкантов и, возможно, новых вдохновенных и своеобразных исполнителей этого шедевра мировой музыки.

Марк ЗИЛЬБЕРКВИТ,
музыковед.